

РЭЙ ХАРТ

МАРАТ 3

Месть и любовь

18+

Рэй Харт

Марат 3. Месть и любовь

«Автор»

2026

Харт Р.

Марат 3. Местъ и любовь / Р. Харт — «Автор», 2026

Кристина Соколова узнала правду и потеряла всё. Свободу, доверие, веру в себя. Но Марат не может остановиться. Он ждал восемь лет. И теперь, когда враг сам идёт в его земли, он не отступит. Даже ради любви. Теперь мир Кристины — тишина, боль и молчание, в котором она не может произнести ни слова. Но внутри неё бьётся новая жизнь. Ребёнок, которого её отец хочет уничтожить. И единственный шанс спастись — бежать. В Испанию, к матери, в глухую деревушку, где никто её не найдёт. Третья книга о том, сложно ли простить убийцу. О том, что любовь сильнее смерти.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Марат 3. Месть и любовь

Глава 1. Чёрная метка

Андрей Сергеевич сидел в рабочем кабинете и под его глазами залегли синие тени от бессонных ночей. В кастомной пепельнице росла гора окурков. Бизнесмен в сотый раз вглядывался на разложенные перед ним фотографии. Кристина. Его дочь была на всех снимках. На выпускном, в клубе, на фото с камеры наблюдения, которая зафиксировала её в вечер пропажи. Красивая с каштановой гривой волос, которую он просил не отстригать.

За всю неделю, ни одного звонка от похитителя. Ни одной зацепки. Бывшая жена уже летит из Испании и Андрей ждал, что она с порога начнёт кричать, обвинять, напоминать ему о прошлом. И несчастному отцу становилось тошно, об одной только мысли — он беспомощен.

В дверь постучали. Андрей вздрогнул, его нервы натянулись до предела.

— Войдите, — резко бросил Соколов.

Порог переступил начальник службы безопасности — седой, крепкий, в идеально сидящем чёрном костюме. Но глаза у него были виноватые. Соколов ненавидел это в людях больше всего.

— Андрей Сергеевич, наконец нашли Даниила.

Соколов поднял голову от снимков на столе.

— Докладывай.

— Данила Колюжный, двадцать три года. Ошивается по клубам. Из богатой семьи, но без важных связей. Несколько дней назад его искали наши люди, но он поспешно уехал из Москвы. Сегодня вернулся. Гриша немедленно выехал за ним.

— Пусть доставит его целым, — коротко приказал Соколов. — Я хочу выбить из него всё, что он знает.

— Гриша понимает серьёзность ситуации. Сделает всё хорошо.

Начальник вышел. Андрей Сергеевич откинулся на спинку кресла, и протяжно выдохнул.

«Даниил, — повторил он мысленно. — Тот, кто приставал к моей дочери в клубе. Если он хоть что-то знает...»

Он не продолжил свою мысль. Знал, что если этот парень причастен к исчезновению Кристины, он убьёт его.

Гриша привёз Даниила через два часа.

Телохранитель был мрачнее тучи, на кулаках кровь, воротник рубашки смят. Даня сидел на заднем сиденье, туго пристёгнутый ремнём, с разбитым лицом, заплывшим глазом и поджатыми губами. В кабинет Соколова его ввели под руки двое крепких парней. Гриша шёл сзади, как скала.

— Сядь, — Соколов указал на стул напротив своего стола.

Даниил сел. Он дрожал и не поднимал взгляд на бизнесмена. Его здоровый глаз отстранённо глядел в сторону, на стену, где висела картина с охотничьей собакой.

— Я ничего не знаю! — Выпалил он первым.

— Я пока ничего не спрашивал, — процедил Соколов. — Гриша, закрой дверь.

Гриша закрыл. Остался стоять у двери, сложив руки на груди. Гора мышц и спокойной угрозы.

Соколов медленно обошёл стол, подошёл к Даниилу вплотную, как хищник. Встал так, что тот вынужден был поднять голову.

— Где моя дочь?

— Я не знаю.

Андрей Сергеевич схватил его за грудки — резко, рывком, приподнял над стулом. Даниил захрипел, испуганно вцепился в его руки.

— Я спрашиваю ещё раз. Где. Моя. Дочь.

— Я не знаю! — выкрикнул Даниил. — Честно, не знаю! Я её не и пальцем трогал!

— А кто трогал?

— Никто! В тот вечер мы... мы хотели... — он запнулся.

— Что вы хотели? — голос Соколова стал тихим, почти ядовитым. От этого становилось ещё страшнее.

— Мы... ну, трое нас было. Мы хотели её просто поугагать. За ту драку в клубе. Она меня унизила, ещё этот шкаф выкинул... Мы караулили её в вашем районе. Дождались, когда она выйдет одна. В переулке мы её... схватили. Но мы не успели ничего.

Соколов впитывал его слова, как губка, не перебивая. Лицо каменело с каждой секундой.

— А потом?

— Потом подошёл не русский мужик. Выскочил, разогнал нас. Побил меня и моих ребят. Она с ним уехала, я сам видел. На чёрном «Мерседесе», номер не запомнил, да и темно было.

— Как он выглядел?

— Высокий. Очень высокий. Широкий такой. Тёмные волосы. Акцент. Чеченец вроде, да я не знаю точно. Сильный гад. Он одного моего друга вырубил с одного удара.

Соколов непроизвольно разжал пальцы. Даниил рухнул обратно на стул, тяжело задышал.

— Чеченец, — медленно повторил Андрей Сергеевич. — Высокий. Это её тренер по тхэквондо. Марат Дагаев.

— Я не знаю его имени, — выпалил недовольно Даня. — Я правда больше ничего не знаю!

Соколов полностью потерял интерес к парню, отошёл к столу, взял телефон, набрал номер. Ждал. Гудки, потом автоответчик.

— Абонент недоступен.

Он набрал снова. То же самое. Телефон Марата не отвечал.

— Гриша, — процедил разъярённый отец Кристины, не оборачиваясь. — Займись гостем. Чтобы он до утра был здесь и не отсвечивал. Но сильно не калечь — вдруг понадобится. Запри его в переговорной. Я буду знать, где он находится, если он солгал.

Гриша кивнул. Подошёл к Даниилу, взял за шкуру, как котёнка.

— Пойдём, сейчас расскажешь мне поподробнее, где вы караулили нашу Кристину. И что вы не успели с ней сделать.

Даниил побледнел. Его тут же выволокли из кабинета.

Соколов остался один.

Он набрал номер спорткомплекса. Трубку снял Артём — помощник Марата.

— Аллю?

— Артём, это Соколов. Марат на месте?

— Здравствуйте, Андрей Сергеевич. Нет, его уже несколько дней нет. Я сам не знаю, где он. Занятия отменил. Я сам тут пока управляюсь.

— А когда он был в последний раз?

— Дней шесть назад. Пришёл, провёл тренировку, сказал, что уедет по делам, и пропал. Вы в тот день приезжали к нам.

Соколов положил трубку не дослушав. Шесть дней.

«Совпадение? — лихорадочно соображал он. — Или чеченец всё это время знал, где она? Нагло врал мне в глаза?!»

Андрей достал из ящика стола папку с досье на Марата Дагаева. Собрали в первый же день, когда нанимали тренера для Стаса. Мастер спорта, чемпион России, родом из Чечни, живёт в Москве, холост. Чистая биография. Ни одного пятна.

«Слишком чистая, — подумал Соколов. — Для кавказца, который увозит мою дочь в машине и не упоминает об этом».

Он набрал другой номер. Из тех, что не светятся в официальных документах.

— Слушай, — рявкнул он, когда на том конце ответили. — Мне нужно узнать всё о человеке. Марат Дагаев. Возможно, настоящее имя другое. Он чеченец, около тридцати. Подключай всех, кто может знать криминальный мир Чечни. Мне нужно знать, кто он на самом деле, откуда взялся и где жил раньше.

— Сделаем, Андрей Сергеевич, — ответили в трубке.

— И главное — где он сейчас. Но не Московский адрес.

— Понял.

Соколов отключился. Пошёл к бару, налил коньяк сразу полстакана. Выпил залпом, ни разу не скривив лицо. Охотник почувал свою жертву.

В дверь постучали. Соколов рявкнул:

— Войдите!

Стас и Вика вошли вместе. Брат Кристины был бледен, оброс щетиной. Он переживал не меньше отца. Вика — заплаканная, с красными глазами, но явно держалась лучше чем Стас.

— Отец, есть новости? — Стас впился в отца взглядом.

— Нашли кое-что. — Соколов указал на стулья. — Садитесь.

Они сели. Вика взяла Стаса за руку. Тот не отнял.

— Даниила нашли. Того парня, который приставал к моей дочери в клубе. Он рассказал, что в тот вечер они втроём напали на неё в переулке. Хотели отомстить за её насмешки. Но высокий чеченец на чёрном «Мерседесе» её спас. И увёз.

— Марат? — удивлённо воскликнул Стас.

— Похоже на то. — Соколов недовольно посмотрел на Вику. — Ты была с ней на тренировках. Вы подруги, не разлей вода. Разве ты ничего не заметила? Что-то, что могло бы объяснить, почему он её увёз?

Вика замаялась, она досмерти напугалась такого напора. Покраснела. Посмотрела на Стаса, потом на его отца.

— Я... я не знаю, это важно...

— Говори всё, — оборвал её Соколов старший.

— Кристина... она говорила, что Марат ей нравится. В смысле — как мужчина может нравится. Она... — Вика сглотнула. — Она, кажется, в него влюбилась.

Стас резко повернулся и удивлённо уставился на дрожащую девушку.

Соколов молчал, он недовольно скривил лицо. Ему хотелось вытрясти из этой дуры все подробности. Ну почему она не сказала об этом раньше? Целая неделя бесполезных поисков.

Потом резко встал и одним движением смахнул со стола всё что было — папки, чашку с остывшим кофе, пепельницу, фотографии. Всё полетело на пол с оглушительным грохотом. Ему отчаянно нужно было действовать.

— Папа! — вскочил Стас.

— Ты понимаешь, что это значит? — закричал Соколов. — Он водил меня за нос! Всё это время! Я приезжал к нему, жал руку, благодарил за помощь! А он... он сам её увёз!

Вика вжалась в кресло. Стас подошёл к отцу, попытался положить руку на плечо, но тот отмахнулся.

— Убирайтесь! — бросил Соколов и нажал кнопку связи с приёмной. — Вызови ко мне начальника безопасности. Немедленно!

Голос секретарши испуганно ответил:

— Да, Андрей Сергеевич, уже.

Соколов нажал отбой, повернулся к сыну. Его лоб покрылся испариной и щёки покраснели от гнева.

— Я раскопаю всё его прошлое. Вытащу на свет то, что он так усердно от всех прячет. И если он тронул мою дочь хоть пальцем...

Соколов не договорил. Но Стас и Вика всё ясно поняли. Они немедленно покинули кабинет не прощаясь.

Начальник безопасности вошёл через минуту. Соколов стоял у окна, спиной к кабинету, сжимая в руке мобильный.

— Вот что, — бросил он, не оборачиваясь. — Мне нужна вся информация о Марате Дагаеве. Не из официальных источников. Настоящая. Где он родился, кто его родители, есть ли у него криминальное прошлое. Подключите моих людей в Чечне. Пусть копают. Я хочу знать, где он живёт на самом деле.

— Сделаем, Андрей Сергеевич.

Соколов повернулся. Глаза его были красными — от переполнявшей ярости.

— Найди мне его, — процедил он сквозь зубы. — Найди его, и я сам с ним разберусь.

Начальник вышел. В кабинете снова стало тихо. Тут же без стука вошла женщина.

Высокая, стильная, с копной волнистых тёмных волос, в дорогом платье и с брендовой сумкой через плечо. Она остановилась на пороге, обвела взглядом разгром в кабинете бывшего мужа. Тот по привычке зыркнул на неё волком.

— Андрей, — бросила она ледяным голосом.

— Елена, — Соколов даже не пошевелился.

Мать Кристины стремительно подошла и с размаху ударила бывшего мужа по щеке. Звонко, точно. Как всегда умела это делать.

Соколов и сейчас не шелохнулся. Только повернул голову обратно, исподлобья посмотрел.

— Это за то, что ты не уберёг нашу дочь, — зашипела Елена. — И за то, что так и не завязал со своими чёрными делишками.

— Сейчас не время выяснять, наши отношения...

— Самое время, — отрезала она. — Ты думаешь, что прошлое не имеет значения? А оно вернулось и ударило там, где ты меньше всего ожидал.

Соколов молчал. Сжал челюсть.

— Ты помнишь, Андрей? — продолжала Елена, не сводя с него острого взгляда. — Много лет назад ты вернулся из очередной «командировки» на Кавказ. Ты стал совершенно другим человеком. Деньги приносил целыми мешками. Появились сотни бензоколонок, о которых ты и мечтать не мог. Империя Соколовых начала расти. Ты стал тем, кто ты есть. А я дура, упорно молчала. Закрывала глаза. Потому что боялась разрушить нашу семью. Потому что ты мне обещал, что это в последний раз!

— Лена, — глухо пробормотал Соколов. — Я не...

— Не смей мне врать, — перебила она. — Я знаю, что ты сделал. Я знаю, чьей кровью пахнут твои деньги. И если с нашей Кристиной, что-то случится. Я сама пойду и сдам тебя властям!

Она угрожающе шагнула к нему, почти вплотную. Соколов шумно сглотнул, он забыл как его бывшая жена страшна в гневе. Настоящая разъярённая фурия!

— Если моя дочь пострадала из-за тебя, я никогда тебе этого не прощу. Слышишь? Никогда! И я тебе отомщу!

Соколов закрыл глаза. Опустил голову. Эта отважная женщина повлияла на него сильнее, чем он помнил.

— Я найду её, — сказал он приглушенно. — Я всё исправлю.

— Ты не можешь исправить прошлое, Андрей. Ты можешь только вернуть её живой. И молись, чтобы с ней ничего не случилось.

Елена развернулась и вышла, не оглядываясь.

Соколов остался один в разгромленном кабинете, с красной отметиной на щеке и с яростной мыслью в голове: «Я найду тебя, Марат. И ты ответишь за всё».

За окном медленно садилось солнце. Начинаясь новый этап поисков. Он уже не чувствовал себя беспомощным.

Глава 2. Смятения

Сознание возвращалось медленно, будто она всплывала со дна чёрной, вязкой реки.

Кристина открыла глаза и несколько секунд не понимала, где находится. Белёный потолок. Знакомая трещина в углу, похожая на молнию. Деревянная кровать, льняное бельё, пахнущее мылом. Её комната. У Сациты.

Она одна.

Повернула голову — голова гудела, во рту было сухо, как в пустыне. На тумбочке стояла кружка с жидкостью, от которой шёл травяной аромат. Рядом — миска.

Дверь была открыта. В проёме она увидела сгорбленную фигуру в тёмно-синем платье. Сацита сидела на стуле в коридоре, положив морщинистые руки на колени, и дремала. Кот Снежок свернулся клубком у её ног.

— Сацита, — позвала Кристина. Голос был хриплым.

Старуха тут же поднялась, вошла в комнату. Её чёрные, выцветшие от времени глаза смотрели внимательно, но без суетливой тревоги.

— Да, — сказала Сацита, кивнув на кружку.

Кристина с трудом приподнялась на локте. Голова закружилась. Она взяла кружку, из рук старухи и отпила маленький глоток. Отвар был горьковатым и сладким одновременно, пах мёдом. Тепло растеклось по горлу, и тошнота постепенно отступала.

— Где Марат? — спросила она.

Сацита покачала головой. Потом прижала руку к сердцу и повела ею куда-то вдаль — уехал, не знаю куда.

— Он... он привёз меня и сразу уехал?

Старуха кивнула. Подошла к окну, поправила штору.

— Спать, — выдохнула она единственное русское слово, которое знала, кроме «да», и вышла.

Дверь закрылась не до конца. Снежок остался на пороге, поджав лапы. Его жёлтые глаза блестели в полумраке.

Кристина без сил откинулась на подушку. И мысли хлынули целым потоком — массивные, как камни, острые, как битое стекло.

«Он убил мою семью. Твой отец. Восемь лет назад. Всех. Родителей, брата, жену, сына».

— Нет, — пробормотала она вслух. — Не может быть.

Кристина закрыла глаза — и тут же в памяти всплыли пятна крови на полу. Рядом с детской кроваткой. Там, где убили малютку. Сына Марата.

Её вырвало бы сейчас снова, но к счастью желудок оказался пуст.

Кристина не могла больше спокойно лежать, она села на кровати, по-привычке обхватила колени руками. Её трясло — не от холода, от ужаса увиденного.

«Ошибка, — твердила она. — Это ошибка. Папа не мог. Он хороший человек. И никогда не поднимет руку на женщину, тем более с младенцем. Он не убийца».

Но детская память подкидывала забытые роскошной московской жизнью картинки. Частые командировки отца. На Кавказ. Незнакомые люди в их доме с кучей оружия. Мать плакала, когда он уезжал. А отец злился, кричал, хлопал дверью. Потом новая квартира, «Мерседес», бензиновая империя, которая выросла из ниоткуда за какие-то пару лет.

«После одной командировки всё пошло как по маслу. Дела взлетели», — радовался он за семейным столом.

Кристина зажала уши ладонями, будто это могло заглушить голоса в голове.

— Папа не убивал, — повторила она громче. — Не убивал.

Но Марат не врал. Она видела его глаза. Слезы, которые текли по его щекам, когда он рассказывал про Амину, про сына и брата, который смотрел в потолок и не понимал, почему умер таким молодым. Марат не врал. Так люди не могут врать.

Кристина вскочила с кровати. Босиком прошлась по комнате — от стены к стене, от стены к стене. Цепи на ноге не было, дверь была открыта, она могла выйти, уйти, убежать. Но куда? И главное зачем?

«Что, если это правда? — вдруг пронеслось в голове. — Что, если мой отец, действительно это сделал? Что, если он уничтожил целую семью ради денег? Ради успешного бизнеса?»

Девушка остановилась у окна, упёрлась лбом в холодное стекло. За решёткой на неё по-прежнему смотрели огромные горы. Зелёные, безмолвные. Они не смогут дать ответ на её вопросы.

«А если Марат врёт? — тут же возникла другая мысль. — Если он манипулирует мной? Если это часть его плана — чтобы я возненавидела отца?»

Но тогда почему боль в его глазах, такая правдивая? Зачем он показывал ей пятна крови, водил по пустому дому, рассказывал, как умирали его родные? Даже актёр так не сыграет.

Кристина протяжно застонала. Казалось, её череп сейчас треснет от напряжения. Мысли металась, как звери в клетке.

«Я хочу увидеть Марата, — поняла она. — Я должна поговорить с ним. Спросить. Выяснить всё до конца».

Затем отошла от окна, вновь заметалась по комнате. Взгляд упал на тарелку с едой — лепёшки, мясо, зелень. Живот скрутило, но не от голода. Она не могла есть. Не могла после всего увиденного. Кристина пошла в душ.

Вода была холодной. Как раз, то что нужно. Скинула джинсы и бельё, встала под струи. Они стекали по телу, волосам, лицу. Она стояла, не двигаясь, глядя на белые кафельные стены. Плечи дрожали. Зубы стучали.

«Думай, — приказала она себе. — Думай, Соколова».

Всплыла фотография. Та, что она видела в гостиной Сацита в старой рамке. Молодая красивая девушка с младенцем на руках. Рядом — улыбающийся мужчина, похожий на Марата. И женщина в платке. Его семья. Его жена и сын.

«Их больше нет. Их убил мой отец. Нет, нет, нет!»

Кристина зажмурилась, закусил губу до крови. Вода текла, текла, текла. Холод пробирал до костей, но она не выключала. Она хотела замёрзнуть, хотела больше не чувствовать этот кошмар.

Когда девушку начало трясти так, что зуб на зуб не попадал, она выключила воду. Насухо вытерлась жёстким полотенцем, которое дала Сацита.

Вернулась в комнату. Легла на кровать совершенно обнажённая, натянула одеяло до подбородка. Потом накрылась с головой. В темноте, под толстым слоем шерсти, было легче. Никто не видел её бледного лица. Никто не слышал её частого дыхания.

«Марат, где ты?» — мысленно позвала Кристина.

Несколько раз за вечер она слышала, как скрипела входная дверь. Сердце подпрыгивало, замирало. Она ждала его шагов в коридоре. Но шаги были шаркающие, старушечьи. Сацита

заходила, ставила на стол новую еду, забирала нетронутую. Так же молчала. Снежок не запрыгнул к ней на кровать. Коты всё чувствуют.

Кристина так и не притронулась к еде. Она лежала, свернувшись калачиком, думала и боялась одновременно. Боялась, что он не вернётся. Боялась, что вернётся и скажет, что она должна сделать выбор. Боялась, что всё это окажется правдой.

В какой-то момент она услышала, как за окном залаяла собака. Потом стихло. Снова тишина. Она пролежала так много часов, не смыкая глаз.

Чёрный «Мерседес» стоял на обочине горной дороги.

Марат сжимал с огромной силой, так, что скрипела кожа. Второй рукой он прижимал к уху телефон.

— Артём, повтори, — процедил он.

— Соколов звонил, — голос помощника был встревоженным. — Спрашивал тебя. Я сказал, что тебя уже нет несколько дней. По голосу понял — он что-то замышляет.

Марат пристально смотрел на дорогу, которая вилась вниз, к городу. Там, далеко, была Москва. И его кровный враг.

— Ты говорил ему про меня что-то? — оборвал Марат.

— Нет, конечно. Я ведь, ничего не знаю, Марат. Я только тренер.

— Хорошо.

— А ты в порядке?

— В порядке, — Марат сбросил звонок.

Он откинулся на сиденье, закрыл глаза. Всё шло по плану. Он знал, что Соколов рано или поздно выйдет на Даниила. Знал, что парень расскажет про спасителя Кристины, в тот вечер. Знал, что Соколов начнёт копать. И теперь, когда враг двинулся с места, вышел из тени, он непременно покинет Москву и отправится на поиски.

Марат открыл глаза. В них не было ни сомнений, ни жалости. Только холодная, выверенная ярость.

«Он приедет, — подумал Марат. — Не сможет не приехать. Он поведётся на след, который я оставил. И когда он окажется на моей территории, на моей земле...»

Марат сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он ждал этого восемь лет. Восемь лет он строил своё имя заново, менял фамилию, биографию. Восемь лет он ждал, когда сможет посмотреть в глаза убийце своей семьи.

— Скоро, — прошептал он. — Скоро.

Потом завёл двигатель. «Мерседес» сорвался с места, взметнув облако пыли. Нужно было подготовиться. Встретить Соколова достойно. И чтобы ни одна пуля не пролетела мимо его бандитов.

Марат нажал на газ. Машина рванула вверх по серпантину, туда, где среди скал прятался дом Сациты. Он ехал к Кристине.

В доме было привычно тихо.

Кристина лежала под одеялом, глядя в одну точку на стене. Она услышала только, как скрипнула входная дверь.

Сердце предательски забило как сумасшедшее. Она с силой вцепившись в край одеяла.

Шаги в коридоре. Это он. Она узнает шаги Марата из сотен тысяч других шагов.

Кристина села на кровати, натянула одеяло на обнажённые плечи. В тусклом свете из окна она увидела его массивный силуэт. На пороге стоял Марат.

В чёрных джинсах, в тёмной водолазке, уставший на вид, с щетиной на лице. Но глаза — те же. Чёрные, глубокие, блестящие. И в них — много боли, от чего у девушки сжалось сердце.

«Этот человек не может мне солгать!»

Марат вошёл, закрыл за собой дверь. Прислонился к косяку, запустил руки в волосы и помассировал уставшую шею.

— Очнулась, — протянул он безжизненным голосом.

Кристина смотрела на любимого, не в силах произнести ни слова. Внутри между собой боролись страх и облегчение. Он здесь. Рядом с ней. Но что теперь делать? Как спросить?

— Марат... — внезапно начала и замолчала, потому что совершенно не знала, что сказать в такую минуту.

— Всё потом, — выдохнул он. — Сначала нам нужно отдохнуть.

— Нет. — Кристина подалась вперёд. Встала, одеяло сползло и она осталась стоять перед ним полностью обнажённая. — Я хочу любить тебя.

Мужчина смотрел на неё не отрывая взгляд. Так долго и внимательно, что она почти задохнулась от возникшего напряжения. Его рука непроизвольно сжалась в кулак. Он мог бы убить её сейчас. Сломать маленькую шею. Это было бы логично. Но он не мог даже подумать об этом.

Марат подошёл к кровати. Но не касался её. В глазах плескалось горячее желание и страсть. Он хотел, чтоб Соколов почувствовал ту боль, какую испытал он. Но больше всего ему хотелось отчаянно любить эту девушку. Любить до потери сознания, так сильно как ни одну живую душу на этой грешной земле. Даже свою погибшую жену.

Глава 3. Наездница

Кристина не дала ему опомниться.

Она метнулась к нему, с распущенными волосами, которые влажными прядями липли к плечам и спине. Девушка стояла перед ним обнажённая, не стыдясь, не закрываясь. В её глазах горело дикое желание, отчаянное, почти безумное. Она не знала, как ещё может заставить его остаться. Как может вытеснить из его головы мысли о мести, о крови, о многолетней ненависти. Только так. Только своим телом. Только своей любовью, которую она могла доказать лишь одним способом.

— Кристина... — начал Марат, но она не дала договорить.

Возлюбленная впилась в его губы. Жёстко, жадно, почти больно. Её пальцы запутались в его волосах, притягивая голову ближе, не позволяя отстраниться.

Марат не отвечал. Сначала не отвечал. Стоял как каменный истукан, сжимал челюсть не открывая губ, а его руки безвольно висели вдоль тела, словно он боялся дотронуться до неё.

Но Кристина чувствовала — он хочет её. Она чувствовала дрожь, которую он подавлял, слышала, как сбивается его дыхание, как учащённо бьётся сердце — она слышала это через прикосновения, прижавшись к нему всем телом.

— Не надо ничего говорить, — прошептала она ему в губы, разрывая поцелуй на мгновение. — Просто будь здесь. Будь со мной.

Она властно толкнула его в мощную грудь. Не сильно, но уверенно. Марат не сопротивлялся. Он упал на кровать, как подкошенный — тяжело, словно в нём не осталось ни капли воли. Раскинул руки в стороны, закрыл глаза. Только пальцы впились в простынь, сжимая её так, что затрещала ткань.

Кристина смотрела на него сверху вниз. Он был красив даже сейчас — раздавленный, сломленный своей ненавистью и любовью. Красив своей опасной, мужской красотой, от которой у неё подкашивались колени с первого дня встречи. Она не знала, сможет ли спасти его от самого себя. Не знала, сможет ли перевесить чашу весов, где на одной стороне была мсть, а на другой — она. Но попробовать стоило. Она обязана была попробовать.

Кристина начала медленно раздевать Марата.

Сначала стянула водолазку через голову. Он не помог — даже не приподнялся. Она сама потянула ткань вверх, оголяя его твёрдый живот, широкую грудь с тёмными сосками, сильные

плечи, на которых играли мышцы при каждом, даже самом незначительном движении. Он вздохнул — первый стон, который издал с тех пор, как вошёл в комнату.

Кристина вновь наклонилась и поцеловала его ключицы. Медленно, не торопясь. Потом спустилась к соскам — провела языком, обожгла дыханием. Он вздрогнул, и его рука сама собой поднялась, легла ей на затылок, но тут же упала обратно. словно он запретил себе прикасаться к дочери своего врага.

— Не закрывай глаза, — выдохнула возбуждённая девушка, глядя снизу вверх. — Смотри на меня, Марат. Я вся твоя.

Он повиновался. Теперь он был в её власти, он её пленник, она хозяйка положения. В его чёрных глазах плескалась такая мука, такая тоска, такое отчаянное желание и одновременно запрет себе на это желание, что у неё ныло сердце. Но она не остановилась. Не могла сопротивляться окатившему её сознание желанию.

Кристина расстегнула его джинсы — пуговицу, молнию. Потянула вниз, и он приподнял бедра, помогая ей, словно неосознанно, не понимая, что делает. Она стянула джинсы вместе с трусами, почти одним движением, и его член выпрямился, упругий, горячий, напряжённый до предела. Кристина никогда раньше не делала этого. Ни с кем. Но сейчас ей хотелось попробовать всё. Отдать ему всё. Каждый сантиметр своей души и тела.

Она наклонилась, взяла его в рот.

Горячая плоть приятно наполнила её. Мягкий и одновременно твёрдый. Она провела языком по головке, слизывая прозрачную каплю, и Марат выгнулся. Его бедра напряглись, но он не двинулся — сдерживал себя из последних сил. Кристина втянула его глубже, насколько смогла, застонала от удовольствия — сама не ожидая от себя такой смелости, такого жара, такой жажды.

— Кристина... — наконец выдохнул Марат, и это было похоже на мольбу.

Она восторженно подняла глаза. Любовник наконец смотрел на неё — и в его взгляде уже не отражалась прежняя пустота и мука. Сейчас там горел, дикий огонь желания.

Марат потянулся к ней, резко, рывком, схватил за плечи, притянул к себе. Поцеловал — жадно, иступлённо, целуя её лицо, мокрые щёки, губы, глаза, лоб. Кристина плакала. Не от боли, не от страха. От нахлынувших чувств, от того, что он наконец-то оттаял, наконец-то позволил себе быть с ней.

— Люби меня, — застонала она. — Пожалуйста. Люби меня, Марат.

Он перевернул её на живот, поставил на четвереньки. Его сильные руки сжали её ягодицы — грубо, властно, почти больно. Раздвинул их, и она почувствовала, как головка его члена упирается в её влажное лоно. Он вошёл сзади — резко, глубоко, до конца, до предела.

Кристина вскрикнула, вцепившись в подушку. Это было что-то невероятное — новая поза, новая глубина, новое ощущение наполненности, которое лишало рассудка. Он двигался жёстко, ритмично, с каждым толчком вбивая её в кровать, заставляя её тело подпрыгивать, а стоны срывать с губ без её воли.

— Марат! — закричала она. — Да! Да!

Она кончила первой — с криком, с судорогой, с волной, прокатившейся от макушки до пяток. Её тело выгнулось, пальцы вцепились в простыни, она потеряла на мгновение связь с реальностью, растворилась в белом шуме в голове. Но он не остановился. Продолжал двигаться, насаживая её на свой член, сильный, неутомимый, ненасытный.

Только стонал, входя ещё глубже, почти выходя и снова вонзаясь в неё, в её тугое, горячее лоно.

Кристина упала на спину, не в силах больше стоять на четвереньках. Он тут же навис над ней, вошёл снова — теперь лицом к лицу, глаза в глаза. Она обвила его шею руками, запустила пальцы в его волосы, притянула к себе. Смотрела в его глаза — чёрные, блестящие, уже не мёртвые, не пустые. Живые. Любящие. И немного безумные.

— Ты всё, что я хочу на этом свете, — молила отчаянно она. — Всё. Слышишь?

Марат смотрел на неё, и его лицо дрожало. То ли от страсти, то ли от произнесённых слов. Может, от того и другого вместе.

Кристина кончила второй раз — долго, волнами, сотрясаясь всем телом, со всхлипами и слезами, которые текли по щекам. Не сдерживалась. Хотела, чтобы он видел, как ей хорошо с ним.

Марат наконец кончил, внутри неё, с глухим криком. Его тело напряглось, замерло, а потом обмякло, и они лежали, тяжело дыша, мокрые от пота.

Он откатился на сторону. Не обнял. Просто лёг рядом, глядя в темноту комнаты, вновь с пустым, отстранённым взглядом. Словно он был уже не здесь. Кристина не выдержала расстояния между ними. Она сама придвинулась к обнажённому мужчине, положила голову ему на грудь. Обхватила рукой за талию. Как могла крепко.

— Не отворачивайся, — тихо шептала она. — Пожалуйста. Не уходи от меня.

Марат не отвечал. Но и не оттолкнул. Его рука медленно поднялась, легла на её плечо, сжала — не сильно, не больно. Просто ощутимо, словно он проверял, что реальная она или нет.

Кристина не могла остановиться. Гладила его грудь, живот, спускалась ниже. Пальцы нащупали его член — обмякший, но всё ещё тёплый, влажный после их любви. Она сжала его, погладила, почувствовала, как он снова начинает твердеть под её ладонью.

Села на него сверху, навела, опустила. Теперь она управляла сама. Двигалась медленно, чувствуя, как он заполняет её до предела, до края, до самого дна её естества. Потом быстрее, жёстче, почти иступлённо.

Марат стонал, сжимал её бедра, помогая, направляя. Его пальцы впивались в её кожу, оставляя красные следы — следы его желания, его страсти, его власти. Она скакала на нём как наездница — дикая, свободная, неистовая. Волосы хлестали по плечам, упругая грудь подпрыгивала в такт движениям. Она припала к его губам, шепча между поцелуями:

— Люблю тебя. Люблю. Люблю тебя, Марат. Ты слышишь? Люблю!

Он упорно молчал. Но его глаза — чёрные, влажные, полные тоски, нежности, боли и одновременно счастья — говорили громче любых слов. Равнодушный человек никогда не ответит таким взглядом.

Кристина кончила в третий раз, упав ему на грудь, обессиленная. Он кончил следом, и они лежали, сплетённые, не в силах пошевелиться. В комнате пахло сексом и любовью.

Марат перекатил её на спину, раздвинул колени и опустил лицо между её ног. Кристина ахнула, когда его язык коснулся её клитора — горячий и настойчивый. Он ласкал её медленно, не торопясь, доводя до грани, за которой начиналось безумие. Его пальцы гладили её изнутри, тербели, массируют, а язык выписывал круги, заставляя её тело выгибаться дугой.

Он усилил нажим, посасывая её клитор, вводя в неё два пальца. Кристина выгибалась, вцеплялась в его волосы, кричала не своим голосом — громко, не стесняясь, не боясь, что Сацита услышит.

Четвёртый оргазм настиг её внезапно — ослепительной вспышкой, после которой она потеряла чувство реальности на несколько секунд. Комната потемнела ещё сильнее, потом вспыхнула тысячью огней. Кристина пришла в себя от поцелуев, он целовал её веки, щёки, губы.

Возлюбленные лежали рядом, тесно прижавшись друг к другу. Теперь он обнимал её — прижимал к себе, гладил по волосам, по спине. Его сердце билось часто, гулко — она слышала это, отчётливо, так же как и своё пламенно любящее сердце.

Марат повернулся к девушке. Открыто смотрел в глаза. Его взгляд был мягким, с поволокой, каким она никогда не видела — у этого жёсткого, опасного горца, который держал её на цепи, говорил о мести и крови.

— Я люблю тебя, Кристина, — выдохнул он тихо, почти шёпотом. — Больше жизни люблю.

Её сердце заколотилось с новой силой, готовое выпрыгнуть из груди. Кристина не могла посмотреть в его чёрные глаза и тонула в них, как в омуте.

— Но это не означает, что я простил твоего отца. — Голос его стал холоднее, и она увидела, как вновь сжалась его челюсть. — Я убью его, Кристина.

Она понимала — он не шутит. И не отступится. Никакая любовь, даже такая, от которой плавится мозг, не заставит его отказаться от мести.

Кристина прижалась к нему, уткнулась лицом в его плечо. Слёзы снова потекли из глаз.

«Что мне делать? — думала она в отчаянии. — Как мне остановить Марата? Если отец действительно виновен... если он правда убил его семью... он имеет право на мечь».

Она устало закрыла глаза. В голове шумело. Тело болело сладкой, приятной болью. И мысли бились, как птицы в клетке: «Я не хочу терять свою любовь. Я не смогу без него жить».

Кристина уснула в крепких объятиях Марата, так и не найдя ответа.

Глава 4. Чёрное прошлое

Андрей Соколов стоял у окна своего кабинета на двадцатом этаже, сжимая в руке телефон. За стеклом — серая, хмурая Москва. Небо низкое, тяжёлое, будто налитое свинцом. Шёл восьмой день поисков Кристины.

Он не спал несколько суток — проваливался в забытие на час-другой, и тут же просыпался от беспокойства. Кристина бежит по тёмному переулку, за ней погоня. Кристина сидит в тёмной комнате с цепью на ноге. Кристина кричит, но он не может её услышать.

Отец тряхнул головой, прогоняя наваждение.

В дверь постучали.

— Войдите, — бросил он, не оборачиваясь.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл Стас. Бледный, обросший щетиной. Пиджак мятый, рубашка не свежая. Он выглядел так, будто тоже не спал все эти дни.

— Ты звал? — спросил он, остановившись посреди огромного кабинета.

— Звал. — Соколов повернулся от окна. Посмотрел на сына тяжёлым взглядом. Кажется, он видел его впервые — не как помощника, не как наследника, а как мальчишку, который ещё не знает, на что способен его отец. — Садись.

— Я постою.

— Садись, сказал.

Стас без энтузиазма опустился в кресло у стола, где совсем недавно сидел избитый Даниил. Соколов прошёл к своему месту, сел напротив. Положил руки на стол.

— Я нашёл, кто увёз Кристину, — бросил он коротко. Стас почувствовал, что отец упирается своим превосходством. Он всегда умело вёл дела.

— Марат. Я знаю.

— Не перебивай. — Голос отца стал жёстче, с пугающими нотками. — Я сам еду на Кавказ. Туда, где он прячет мою девочку. Ты остаёшься в Москве и займёшься делами.

Стас резко подался вперёд, сжав кулаки.

— Нет! — Выпалил он. — Я еду с тобой!

— Не спорь.

— Я говорю — я еду. Кристина моя сестра. Я имею право.

— Ты имеешь право делать то, что тебе велят, — Соколов ещё на тон повысил голос. — Я сказал — ты остаёшься. Это приказ.

Стас встал, упёрся кулаками в стол.

— Почему ты не хочешь взять меня с собой? Я давно не мальчик. Я могу помочь, могу драться, могу...

— Ты можешь попасть под пулю, — перебил его Соколов, и в его голосе впервые за неделю прозвучал страх, кроме гнева. — Я не хочу потерять единственного сына. Ты мой наследник.

Стас нахмурился. Он смотрел на отца, не узнавая. Андрей Сергеевич Соколов всегда был скалой — непробиваемой, несгибаемой. А сейчас он выглядел... старым. Разбитым.

— Пап, — пробормотал Стас. — Я должен быть там.

— Нет. — Соколов встал, подошёл к сыну, властно положил руку на плечо. — Ты нужен здесь. Если со мной что-то случится...да, я даже допускаю такое, ты возьмёшь на себя бизнес. Защитишь семью. Проследишь, чтобы Кристина, когда вернулась... ни в чём не нуждалась.

— Не говори так, будто ты не вернёшься, — выдохнул Стас.

— Я обязательно вернусь. Но, в нашей жизни, надо быть готовым ко всему.

Они стояли так несколько секунд — отец и сын, два упрямых мужчины, которые не умели говорить о чувствах. Потом дверь открылась без стука.

На пороге стоял начальник службы безопасности. Но лицо у него было бледным, встревоженным. Он никогда не позволял себе таких эмоций.

— Андрей Сергеевич, — выпалил он, бросив быстрый взгляд на Стаса. — Есть информация.

— Говори, — приказал Соколов.

Начальник переступил с ноги на ногу. Достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги. Развернул. Взял паузу.

— Мы выяснили, кто такой Марат Дагаев. Вернее... кто он на самом деле.

— Докладывай, — сквозь зубы процедил Соколов.

— Его настоящая фамилия — Саламов. Марат Саламов. Родился в Чечне, в горном селе. Отец — владелец сети заправок, крупный бизнесмен. Обороты были огромные, вся Россия. Они были... богаче вас, Андрей Сергеевич. Намного богаче.

Стас слушал, не понимая. Богаче? Какая разница, кто богаче? Что это меняет?

— Восемь лет назад, — продолжил начальник, — весь род Саламовых был уничтожен. Расстреляны в собственном доме. Отец, мать, младший брат. Жена. Новорождённый сын.

Стас почувствовал, как холод пробежал по спине. Он перевёл взгляд на отца. Соколов стоял неподвижно, с бледным лицом. Вены на шее вздулись, и пальцы сжались в кулаки. Казалось он увидел призрака.

— Считалось, что никто не выжил, — продолжал начальник. — Но, видимо, старшего сына в тот день не было дома. И он не попал под обстрел. С тех пор Марат сменил фамилию на Дагаев, уехал в Москву, построил спортивную карьеру... и планировал.

— Что планировал? — неожиданно вырвалось у Стаса.

— Свою мсть, — закончил начальник. — Он ждал много лет, чтобы отомстить.

Стас резко повернулся к отцу.

— Папа, о чём он говорит? Кто уничтожил семью Марата? Кто расстрелял их? И причём здесь мы?

Соколов не отвечал сыну. Он стоял как статуя, глядя сквозь стену, в своё прошлое. Прямоиком туда, где восемь лет назад он убил младенца и его мать. Мужчина, что есть силы сжал свои кулаки. Новость оглушила его. Перед глазами возникла та женщина с младенцем. Она смотрела на него перед смертью. Бизнесмен тогда не думал, что это видение будет преследовать его на протяжении нескольких лет.

— Этого не может быть, — пробормотал Соколов глухо. — Саламовы... все погибли. Я сам... — Он осёкся, вспомнив, что сейчас в кабинете находится его сын.

— Ты сам что? — Стас неуверенно шагнул к нему. — Ты сам их убил? Папа?!

— Заткнись! — закричал Соколов, и его голос разнёсся по кабинету. — Не смей! Не смей задавать мне вопросы!

— Я имею право знать! — Стас не отступал. — Моя сестра похищена из-за того, что ты сделал? Из-за того, что ты убил его семью, много лет назад? Отец, ответь, пожалуйста!

Соколов резко развернулся, схватил сына за грудки, прижал к стене.

— Ты ещё сосунок, — прошипел он, яростно впиваясь в глаза сына. — Ты ничего не знаешь о бизнесе, о войне, о том, как выживают сильные. Это не твоё дело. Это моя забота. Моя. Я начал — я и закончу.

— А если он убьёт Кристину? — выкрикнул Стас. — Если он уже убил её?

— Не смей! — Соколов тряхнул его так, что застучали зубы. — Она жива. Я знаю.

Отец отпустил сына. Отступил на шаг. Провёл рукой по лицу, прогоняя вспышку неконтролируемой ярости. Его глаза покраснели от налившейся крови.

— Вызывайте машины, — рявкнул он начальнику безопасности. — Шесть машин. Полный отряд. Боевики с автоматами. Едем на Кавказ.

— Слушаюсь, — подчинённый вышел, и кажется чуть не споткнулся на пороге от спешки и нервозности.

Стас стоял у стены, дыша через раз. Смотрел на родителя и вновь не узнавал его. Перед ним был не бизнесмен, не политик, не будущий президент. Он уже не знал, кто был на самом деле его отец.

— Я еду с тобой, — настаивал он.

— Ты останешься здесь, — отрезал Соколов и вышел из кабинета, не оглядываясь на сына.

Стас остался один. Он стоял, прижимаясь спиной к стене, и не мог поверить в то, что услышал. «Восемь лет назад... уничтожены...»

Закрыв лицо руками. Потом достал телефон, набрал знакомый номер.

— Мам? — голос слегка дрожал. — Мне нужно с тобой встретиться. Прямо сейчас. Это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.